

— Где Император? — Ли Чжао поспешил во дворец и направился прямо к императорскому кабинету, но у дверей его остановил евнух, сообщивший, что Его Величество сейчас не здесь.

— Доложу Вашему Высочеству: как раз не повезло, — с поклоном ответил дежурный евнух. — Недавно из дворца благородной наложницы Лань пришли за Императором. Его Величество уже отправился в павильон Илань обедать.

Ли Чжао тут же двинулся в сторону покоев своей матушки, но в душе заворчал: «Странно всё это». Его отец был известным трудоголиком и терпеть не мог лишних передвижений; обычно он никогда не ходил обедать в гарем.

Его мать прекрасно это знала и никогда не звала его в полдень. Что же сегодня происходит, что оба сделали исключение?

— Ваше Высочество, — Фу Гуй, следовавший за ним вполшага, осторожно взглянул на его лицо и робко напомнил: — Вы помните, по какому поводу в прошлый раз Император пришёл к наложнице Лань на обед?

— Тьфу! — Как не помнить? При одном воспоминании становилось обидно.

Весной прошлого года, возвращаясь с прогулки за городом вместе с Мин Чжэнем, они случайно наткнулись на место похищения людей. В то время ходили слухи, что действует преступная банда, специализирующаяся на похищении юношей младше восемнадцати лет — причём даже среди сыновей чиновников находились жертвы. Бандиты распоясались не на шутку.

Не упустив возможности, Ли Чжао, имея при себе охрану, а Мин Чжэнь — владея боевыми искусствами, отправил гонца с донесением, а сами притворились наивными богатыми отпрысками и проникли в стан врага.

Позже выяснилось, что это не просто торговля людьми, а безумная секта, верящая в то, что кровь девственников-юношей обладает чистой янской силой и годится для изготовления эликсира, якобы исцеляющего от всех болезней и даже возвращающего молодость.

Большинство похищенных шли добровольно: одни — ради лекарства для больных родных, другие — из любопытства, третьи — будучи полностью обработанными промыванием мозгов. Они были одновременно жертвами и фанатичными последователями.

В итоге, совместно с префектурой Цзинчжаофу, которая оперативно прибыла на место, им удалось полностью уничтожить эту организацию и спасти пленников.

Правда, в процессе произошёл небольшой инцидент: один из одержимых внезапно напал, и Ли Чжао не успел увернуться — порез на руке. Он посчитал это пустяком, лишь царапиной, и

даже дома, перевязывая рану, думал: «Раз уж проявил себя геройски, отец непременно наградит меня чем-нибудь стоящим».

А на следующий день его вызвала во дворец мать — тоже на обед, и отец уже был там. Оказалось, префект Цзинчжаофу подал рапорт об их подвигах, особенно красочно описав момент ранения Ли Чжао.

Отец прочитал и тут же рассказал матери. В итоге вместо награды он получил нотацию о неосторожности. Хотя ведь всё было продумано до мелочей! Обидно!

Конечно, позже оба родителя тайком преподнесли ему щедрые подарки — отлично понимая принцип «сначала палка, потом конфета».

Но в последнее время, кроме недавнего признания чувств Мин Чжэню, он ничего особенного не натворил... Неужели отец мог заранее всё предугадать? Не связано ли это с тем, что показывалось в Небесном Зеркале?

В павильоне Илань из позолоченной курильницы тонкой струйкой поднимался лёгкий ароматический дым. Воздух был напоён смесью запахов горячих блюд и белого сандала.

Ли Чжао вошёл в зал и на мгновение замер у порога. Император и наложница Лань сидели за обедом, казалось бы, в полной непринуждённости. Но лицо отца было напряжённее обычного, а мать опустила глаза и маленькими глотками пила суп, не подняв, как всегда, радостного взгляда при его появлении.

— Сын кланяется Отцу и Матери, — Ли Чжао склонился в поклоне, опустив глаза, но мысли его мелькали стремительно.

— Хм, встань, — голос Императора звучал ровно, без тени эмоций, и он даже не взглянул на сына, лишь рассеянно пошевелил палочками кусочек бамбука в тарелке. — Подойди, пообедай с нами.

Тон был слишком спокойным — настолько спокойным, что это настораживало. Ли Чжао сел справа от отца. На столе стояли изысканные яства, преимущественно острые и пряные — именно такие любил Император.

Он взял общие палочки, сначала положил отцу немного имбирного бамбука, затем матери — ложку нежного рыбного супа с молоком. Движения были плавными и естественными, но внутри у него зазвенел тревожный колокольчик.

Он бросил взгляд-просьбу через стол на мать. Наложница Лань едва заметно покачала головой, мельком глянула на невозмутимый профиль Императора и тут же отвела глаза, а пальцами под столом слегка помахала — молчи, будь осторожен.

Ли Чжао понял и легко улыбнулся:

— Сегодняшние блюда действительно изысканны. Неудивительно, что Отец сначала вызвал меня, а потом сразу отправился к Матери. Видимо, эти яства куда привлекательнее сына.

Император наконец поднял веки и бросил взгляд на улыбающееся лицо сына:

— Конечно. Еда хотя бы утоляет голод и ведёт себя спокойно. А ты умеешь только злить Меня разными способами.

— Кулинария Матери всегда великолепна, и сын рад разделить трапезу.

Ли Чжао ловко подхватил беседу и осторожно перевёл тему:

— Но если Отец говорит, что я злю его, то это несправедливо. В последнее время на советах и собраниях я ни в чём не проявлял халатности. По-моему, я веду себя образцово и примерно.

— Пах!

Лёгкий звук — императорские палочки легли на стол. В наступившей тишине этот щелчок прозвучал особенно отчётливо.

Император медленно повернул голову, и его взгляд наконец полностью упал на Ли Чжао:

— Образцово и примерно?

Он повторил эти слова, не скрывая иронии:

— Тогда объясни Мне, что означает то, что явственно говорится в Небесном Зеркале: «Старшая принцесса выходит замуж, её погребают рядом с Императором и Императрицей»?

Голос был негромким, но полным императорского величия:

— Если чиновник удостоивается такой чести — быть похороненным в императорском мавзолее, историки ещё могут объяснить это как прекрасную историю о верности государю и слуге. Но ты...

Он смотрел на оцепеневшее лицо Ли Чжао и продолжал спокойно:

— Ты, подделавшийся под принцессу, собираешься выйти замуж за подданного? Ли Чжао,

скажи Мне, что это такое? А?

Император наклонился вперёд:

— Неудивительно, что на утреннем совете ты был рассеян. Неудивительно, что Небесное Зеркало говорит: «Он никогда не возьмёт наложниц и не оставит потомства». Я думал, ты поглощён делами государства или просто слишком высокомерен. А оказывается, Мой сын — такой страстный влюблённый, что готов на всё ради своего чиновника!

Ли Чжао на мгновение потерял дар речи. Для непосвящённых всё, что показывало Зеркало, могло казаться вымыслом или романтическими домыслами потомков. Но для тех, кто знает правду, это было слишком очевидно.

Сейчас раскрывать карты было преждевременно. Сможет ли отец сразу принять правду? Не навредит ли это Мин Чжэню? Ведь он сам планировал всё делать постепенно, шаг за шагом.

Молчание в зале затянулось.

— Нечего сказать? — Император откинулся на спинку стула, и по лицу его невозможно было прочесть ни гнева, ни одобрения. — Тебе нравится тот юноша из семьи Мин?

— Да, — признал Ли Чжао. Раз отец уже сделал вывод, отрицать бессмысленно.

— Значит, когда ты давал Мне обещание, что в течение двух лет обязательно найдёшь себе пару и устроишься, ты лгал Императору?

Ли Чжао чуть не вырвалось: «Как это не нашёл? Разве Мин Чжэнь — не тот самый человек? И срок ведь ещё не истёк!» — но он сдержался. Сейчас не время подливать масла в огонь.

Он встретил взгляд отца:

— Сын тогда действительно никого не выбрал. Как можно считать это обманом? — Он ведь тогда и представить не мог, что выберет именно Мин Чжэня. Это не была ложь — просто он был слишком слеп.

Император постучал пальцами по краю стола:

— Выходит, именно Небесное Зеркало помогло тебе осознать свои чувства?

— Можно сказать и так, — не стал отрицать Ли Чжао. Без Зеркала, возможно, он всё ещё метался бы между нерешительностью и отрицанием.

— И ты не можешь без него? — коротко спросил Император. Четыре слова, но тяжёлые, как тысяча цзиней.

— Нет, — ответил Ли Чжао без колебаний, выпрямив спину.

Император молчал некоторое время, глядя в глаза сыну, и в его взгляде читалась глубокая озабоченность:

— А задумывался ли ты, что будет с наследником? В императорской семье всё не так, как у простых людей. Без собственного ребёнка — как обеспечить стабильность? Ради личных чувств ты готов поставить под угрозу преемственность династии?

Ли Чжао встретил его взгляд, и в его голосе звучала искренность и упрямая решимость, унаследованная от отца:

— Отец, почему вы говорите, что преемника не будет? Императорская кровь не обязана течь только через меня. У старших братьев есть сыновья — все они Ваши внуки. Из них можно выбрать самого достойного и назначить наследником. Разве не лучше иметь более широкий выбор?

Император выслушал речь сына о выборе достойнейшего и не разгневался, а даже усмехнулся:

— Ха... Легко говорить. Красивые слова, всё логично. Может, Мне и похвалить тебя за дальновидность и заботу о государстве?

Но тон его вдруг стал серьёзным и строгим:

— Но, десятый, двор — не игра, а Поднебесная — не роман. Один станет Императором, владеющим властью жизни и смерти. Другой — канцлером, управляющим всеми делами государства. Если вы будете вместе, скажи Мне: как ты гарантируешь, что никогда не поддашься чувствам? Как ты убедишь Меня, что весы справедливости никогда не наклонятся в личную сторону?

— Знаешь ли ты, почему гарему запрещено вмешиваться в дела? Не только из-за опасности влияния родни жён, но и из-за страха перед «человеческими чувствами». Императорский гнев может пролить кровь на тысячу ли. Небесное Зеркало говорит об этом легко. Но если однажды начнётся кара из-за личной обиды, кто поручится, что не будет второй, третьей?

Это было несправедливо! Кровь прилила к голове Ли Чжао.

Он не сдержался:

— Но, Отец, это совсем другое дело! Родовые кланы сами совершили тягчайшие преступления — покушение на императорского инспектора и действующего канцлера! Это равносильно мятежу!

— Карательные меры Священного Предка были законны и справедливы, продиктованы скорбью о потере верного соратника. Как можно сравнивать это с вмешательством в дела из-за чувств?

Он упрямо пытался заставить отца увидеть того, кому он доверяет:

— Да и Мин Чжэнь — не такой человек! В его семье он единственный наследник, из рода чистых учёных-чиновников, где преемственность священна. Если бы он думал о выгоде для рода, зачем ему выбирать меня? Зачем идти по пути, который обречён на трудности — бездетность, противостояние всему сословию аристократов?

— Что он получит от этого? В будущем, которое показало Небесное Зеркало, его ждут лишь заговоры и покушения! — голос Ли Чжао дрогнул.

— Вы просто не знаете его. До появления Зеркала я сам был всего лишь праздным принцем.

Император молча выслушал его. Когда Ли Чжао замолчал, он встал, положив ладони на край стола, и больше не стал спорить о правде и вине:

— Хорошо. Допустим, всё, что ты сказал, имеет смысл. Но если Я скажу тебе, что в случае, если ты настаиваешь на отказе от официальной супруги и собственного потомства, трон наследника... не достанется тебе?

В зале ещё витал аромат горячей еды, пар поднимался над блюдами, но атмосфера между отцом и сыном застыла.

Наложница Лань смотрела на них, и её ложка тихо стукнулась о край чаши — звонкий, хрупкий звук. Она неодобрительно взглянула на Императора, а затем с тревогой — на сына, упрямо выпятившего подбородок, и не знала, с чего начать.

Она понимала, как муж дорожит судьбой Поднебесной, и жалела сына за его обиду. Она надеялась заранее сгладить конфликт, чтобы дело не дошло до такого противостояния.

Император встал, поправил рукава:

— Хорошенько подумай сам.

Примечание автора:

Полулетние травы, много радости

<http://bllate.org/book/17167/1607679>